

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Александры Лисиной
в серии

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЕКРОМАНТ. МЭТР
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЕКРОМАНТ. МЭТР НА УЧЕБЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЕКРОМАНТ. МЭТР НА СВОБОДЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ НЕКРОМАНТ. МЭТР НА ОХОТЕ

ПЛАМЯ ДЛЯ ДРАКОНА
ВСАДНИК ДЛЯ ДРАКОНА

Цикл

«ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА»

ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА. ВРАГ
ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА. ПОПУТЧИК
ТЕМНЫЕ ВРЕМЕНА. ХОЗЯИН
ТЕМНЫЙ ЭЛЬФ. ХРАНИТЕЛЬ
ТЕМНЫЙ ЭЛЬФ. ВЛАДЫКА

Александра ЛИСИНА

ТЕМНЫЙ ЭЛЬФ.

ВЛАДЫКА

Роман

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л63

Серия основана в 2004 году
Выпуск 685

Художник
В. Федоров

Лисина А.
Л63 Темный эльф. Владыка: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 313 с.:
ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2817-5

Тирриниэль илле Лаэртэ — владыка Темного леса и самый могущественный эльф на Лиаре. Вернее, он был таким, пока его не поразил неизлечимый недуг. Единственная его надежда — отрехшийся от престола сын, которого он когда-то собственноручно отлучил от рода. Но шансов на возвращение наследника практически нет. Другие претенденты на престол слабы. В отсутствие сильного владыки Темному лесу грозит катастрофа... Но тут на окраине леса объявляется никому не известный эльф, при виде которого в сердце Тирриниэля вновь оживает надежда. Последний маг из правящего рода, прямой потомок Иззара... Вот только юному эльфу трон и даром не нужен. И чтобы его переубедить, владыка Темного леса вынужден пойти на крайние меры.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александра Лисина, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2817-5

ПРОЛОГ

Говорят, когда на Лиаре умирает светлый эльф, над Светлым лесом целый месяц висят свинцовые тучи, а солнце слегка тускнеет в знак траура по погибшему. Когда приходит время темного, над местом его гибели неделю плачет небо и рвутся от молний черные тучи. Если погибает гном, безутешно стонет мать-земля, а где-то в глубоких пещерах рассыпается в прах один из сталактитов. И только смертные неслышно приходят в эту жизнь, незаметно живут и чаще всего так же незаметно умирают.

Неизвестно, кто из перворожденных придумал песнь прощания, — древние хроники не сохранили имени смельчака. Никто доподлинно не знал, что за сила таится в ее строках и какую власть она обретает над безумцем, рискнувшим раньше времени призвать Ледяную богиню. Но каждый живущий на Лиаре был уверен: стоило кому-то из эльфов пропеть ее вслух до конца, как незваная гостья непременно забирала его душу. Милосердно давала отпить из своей чаши напитков скорби и манила за собой, будто питала к бессмертным какую-то тайную слабость.

Слова и мелодия были стары, как сама жизнь. Зовущие, мягкие, нежные. Просто красивая песнь для той, чья поступь легче воздуха и чье ласковое прикосновение — последнее утешение для обреченного. Ничто не способно противостоять этой магии. Никому не под силу остановить смерть, если слова песни прозвучали полностью. И лишь одно препятствие сумели поставить ей перворожденные — песнь возрождения, чьи слова напитаны такой же древней эльфийской магией.

Но вот беда: мало осталось на свете владеющих этим знанием и еще меньше — безумцев, готовых поспорить со смертью за уже отлетающую душу, которая твердо вознамерилась уйти.

ГЛАВА 1

Встань, о сраженный под сенью звезды.
Встань и стряхни белой смерти оковы.
Встань, павший воин, со мной и иди
Туда, где рассвет занимается новый.

Ступай лишь вперед, идущий во тьме.
Сумей различить в этом мраке мой шепот.
Поверь, он разгонит все тени на дне
И заглушит их призрачный хохот.

Дорога длинна, но и ей есть предел.
Ты снова устал, но теперь это радость,
Ведь тем, кто не чувствует боли от ран,
Мой зов не подарит покой или благодать.

Ты жив. Это правда, и помни о ней,
Пока ищешь выход из темного плена.
Ты жив. Ты способен вернуться, поверь,
И вновь возродиться из серого тлена.

Спеши на мой голос, пока я сильнее
Сомнений твоих, твоей боли и страха.
Спеши, возвращайся, надейся, сумей!
Найди эту дверь из крошечного мрака!

Я жду тебя, павший, на той стороне,
Где солнце ласкает холмы и дороги,
Где ветер шумит в зеленой листве
И где тебя встретят родные пороги...¹

В теплый летний вечер на постоялом дворе в самом центре Борревы было слишком многолюдно. Точнее, людей-то здесь

---

¹ Стихи Александры Лисиной.

как раз не наблюдалось, зато всяких других — не протолкнуться. И с двумя, и с четырьмя ногами; с хвостами, с лапами и даже с длинными ушами.

Возле высокого забора с бледными от волнения лицами стояли пятеро темных эльфов, судорожно сжимая рукояти клинков и тщательно следя, чтобы никто из любопытных не вздумал сунуть сюда свой нос. Рядом с ними находился воевода Лево́й заставы, в чьих темных радужках едва заметно тлела надежда. Внутри этого импровизированного живого ограждения молчаливыми глыбами застыли в неестественных для скакунов позах два громадных мимикра. Карраш тесно прильнул к плечу Таррэна, Ирташ осторожно поддерживал низко склонившуюся Белку, а между ними лежал хранитель, которому жить оставалось совсем немного.

Линнувиэль был невероятно бледен. Изможден, будто на медни его забрали с королевских каменоломен, где он пробыл не менее пары-тройки десятилетий. Черты красивого лица заострились, зеленые глаза потускнели и теперь напоминали два темных провала в бездну, в которой уже истаивали последние живые искры. Белоснежная рубаха оказалась безжалостно распорота на лоскуты, наглядно демонстрируя причину угасания эльфа, — четыре глубокие отметины на его левом плече выглядели совсем свежими. Почерневшие края ран красноречиво говорили: не жилец. И это было бы совершеннейшей правдой, если бы над умирающим не лилась тихая, чарующая песня, которая могла затронуть даже самые закосневшие души. Древняя, как сама жизнь, до отказа напоенная эльфийской магией, а потому способная противостоять даже почти завершенной песни смерти.

Белка, сидя на земле и положив голову эльфа себе на колени, бережно придерживала руками его заострившийся подбородок. Низко наклонившись, тихо пела для него, заставляя замерших эльфов цепенеть от осознания смысла происходящего и лихорадочно искать ответы на нескончаемую череду вопросов. Она не смотрела по сторонам — прикрыв глаза, Гончая старательно вспоминала знания, переданные ей много лет назад другим магом, чей разум хранил немало бесценных подсказок. А Ирташ исправно вбирал в себя излишки ее силы,

чтобы не всполошить всю округу творящимся здесь таинством. Точно так же, как Карраш незаметно вбирал в себя отголоски магии Таррэна, сплошным потоком вливавшейся в изможденное тело хранителя.

— Плохо, — беззвучно обронил в тишину Шранк, и Сартас немедленно к нему повернулся.

— Не получается?

— Не то чтобы... — Воевода покачал головой. — Вашего хранителя укусила самка мимикра... помнишь ту гиену, чей прикус так не понравился Белику? Так вот, они ядовиты, их слюна растворяет даже гномью сталь. А уж если попала в кровь, да еще и в кровь мага, то пиши пропало. Таррэн пытается обезвредить заразу, но, боюсь, даже его сил может не хватить: прошло слишком много времени. Там все насквозь должно разъесть — сердце, кишки, печень... Удавлю этого молчуна, если выживет! Гордость ему, видите ли, не позволила сказать! Сейчас только родовой перстень удерживает его на грани. Да еще Белик, хотя не могу сказать, насколько его хватит.

— Откуда Белик знает песнь жизни? — пораженно откликнулся Корвин. — Этой магией в полной мере владеют только хранители!

— Сам у него спроси.

— Н-нет, спасибо, — отчетливо содрогнулся темный эльф, и Шранк понимающе усмехнулся. — Обожду до следующей жизни, пожалуй. Скажи лучше, зачем мы тащили Линнувиэля сюда? Почему нужно делать это во дворе, а не в комнате?

— Потому что Карраш не пролезет в окно.

— При чем тут Карраш? — опасливо покосился на мимикра Маликон.

— При том, что в его присутствии любая магия сходит на нет, — спокойно пояснил Шранк.

Перворожденные быстро переглянулись.

— А...

— Все, — устало выдохнула Белка, неожиданно поднимая голову и отстраняясь от хранителя. — Больше слова не помогут: он жив, но резерв почти истощен. Даже с нашей помощью ему не хватит сил на борьбу. Надо что-то иное.

— Он вернется? — напряженно спросил Таррэн, крепко схватив Линнувиэля за изувеченную руку и неотрывно следя

за волной магии, благодаря которой все еще мог удерживать собрата по эту сторону реальности.

Гончая отрицательно качнула головой.

— Сам не видишь? У тебя резерв наполовину пуст, я от него руки вообще не убираю, а яд даже не начал выходить. Придется резать по живому.

— Это убьет его.

— Ты знаешь другой выход? Он почти допел песнь смерти, и теперь даже я не сумею его вернуть. По крайней мере — так... — Белка вдруг прикусила губу и быстро покосилась на благоверного.

— Я не могу просить тебя об этом, — прошептал Таррэн, прекрасно зная, о чем она не договорила.

— Если ничего не сделать, он умрет. Линнувиэль слишком стремился на ту сторону. Он хотел уйти, понимаешь? Иначе не решился бы спеть. Твой собрат недалеко, его еще можно вернуть, но его разум темен и пуст. У него нет семьи, нет возлюбленной и детей, к которым он мог бы тянуться. Нет дома и того, кто ждал бы его там. Нет ничего, что могло бы нам помочь. Конечно, ты можешь попробовать ему приказать, но, боюсь, сейчас он не услышит. И я знаю лишь одно средство, как заставить его забыть о смерти.

— Бел, ты уверен, что это хорошая идея? — обеспокоился Шранк.

— Нет, — тоскливо вздохнула Белка, но тут же встряхнулась. — Ладно, времени в обрез. Корвин, Маликон, держите его за вторую руку. Атталис, Аззар, навалитесь сверху. Таррэн, когда скажу — режь, да поглубже, чтобы яд выходил, иначе мы его не спасем. Когда кровь пойдет чистая, закроешь магией и перебинтуешь. Ирташ постережет периметр и проследит, чтобы твоя магия не утекала в никуда. Готовы?

Эльфы без лишних слов подошли и стремительно заняли положенные места. Сразу четыре пары рук вцепились в хрипло дышащего Линнувиэля и вопросительно повернулись в сторону побледневшей Гончей. Они еще не знали, на что соглашаются, но были готовы на все, чтобы сохранить Линнувиэлю жизнь. Слишком мало хороших магов осталось у темного

народа. И еще меньше — хранителей. И за потерю одного владыка с них потом обязательно спросит.

— Хорошо, — сглотнула Гончая. — Попробуем его вытащить. Но, если у меня не получится, не обессудьте.

— Давай, — неожиданно кивнул Саргас. — У него все равно нет шансов. Делай, что задумал, и не оглядывайся — мы не станем мешать. Слово.

— Признание, однако, — невесело улыбнулась Белка.

После чего стянула перчатки и обхватила голову умирающего эльфа руками — так, что левая ладонь легла ему на затылок, а правая коснулась покрытого испариной лба. Затем склонилась к его бескровным губам, на мгновение замерла, будто перед прыжком в холодную воду, и едва слышно выдохнула:

— Ли-иннувиэ-эль...

Перворожденные одновременно вздрогнули.

— Ли-иннувиэ-эль... — пропела она чуть громче.

Ласково, будто звала домой дорогого сердцу мужчину. Настойчиво, трепетно. Звала так, что невозможно не откликнуться, но... Ничего не случилось. Гончая немного осмелела и снова заговорила. Таким мягким вибрирующим голосом, что у перворожденных невольно дернулись руки и нервно застучали потревоженные сердца.

— Линнувиэль, ты меня слышишь?

Затем — короткая пауза. И снова:

— Линнувиэль, вернись...

С изящных пальчиков Белки сорвалось несколько изумрудных искорок, чувствительно кольнувших прохладную кожу эльфа и на мгновение осветивших рассыпавшуюся под ней полупрозрачную сетку вен. И молодой хранитель наконец дрогнул. Точно так же, как неверяще дрогнули перворожденные, которых тоже зацепило этой странной магией.

Гончая слабо улыбнулась и, найдя нужный тембр, позвала еще раз, но уже требовательнее и настойчивее:

— Линнувиэль, вернись. Ты слышишь?

Тишина.

— Вернись, эльф, еще не время. Ты мне нужен, хранитель.

И снова — гнетущее молчание.

— Услышь меня, остроухий... Возвращайся к свету. Ты помнишь его? Помнишь, как светит солнце? Как шелестит трава поутру и поет ивовая лурска¹? Помнишь рассвет над священной рощей? Неужели ты не хочешь встретить его снова? Линнувиэль?

С губ хранителя сорвался короткий вздох, больше похожий на стон, его ресницы затрепетали, пальцы непроизвольно сжались, а ноздри шумно раздулись, старательно ища источник будоражащего разум запаха, от которого быстрее бежала по венам кровь и учащалось сердцебиение. К нему хотелось идти, хотелось стремиться к этому чуду, хотелось дышать им еще и еще, наслаждаясь каждым мгновением.

И он неуверенно качнулся навстречу.

— Я жду тебя, Линнувиэль, — шепнула Белка, почти касаясь его губ.

«Зачем?» — едва слышно откликнулась чужая мысль.

— Потому что я так хочу.

«Кто ты?»

— Приди и узнаешь. Ты же хочешь понять? Чувствуешь, как сильно бьется сердце? Тогда поверь: сейчас не твое время. Ты должен вернуться.

«Белик?!»

— О да. Ты все еще жив, эльф, и я не пущу тебя на ту сторону. Иди ко мне. Возвращайся...

Она говорила и говорила, крохотными шажками выводя его душу из мрака. Линнувиэль будто просыпался от долгого сна, инстинктивно тянулся к ней и все быстрее шел навстречу самому восхитительному запаху, который только знал в своей жизни, — запаху эльфийского меда, щедро приправленному ароматом смертельной угрозы.

Корвин замер, тщетно пытаясь вытравить из своей головы этот вкрадчивый голос, от которого начинали потеть ладони и пугливо трепетало в груди сердце. От вида двусмысленно прильнувшей к собрату Гончей его передернуло, но вскоре это прошло, и теперь эльф со все возрастающим беспокойством следил, как жадно дышит молодой хранитель и настойчиво тянется навстречу, ища в пустоте... кого? Или что?

---

¹ Певчая птица. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Корвин боялся даже подумать.

У Маликона тоже закаменело лицо. Но отвращения к двуликому пацану, как ни странно, не было, потому что зов ударил и по его истерзанным нервам. Он неожиданно поймал себя на том, что тоже тянется навстречу. Желает подойти, коснуться и выяснить, каким образом у Белика получается разжигать кровь, заставлять ее кипеть, бурлить и вызывать нескромные мысли. Необъяснимые, пугающие, смешанные с растерянностью и каким-то ревнивым беспокойством. Что это? Почему он не может отвести глаз? Что за магия в этом лице, в этом голосе? Что за сила, если после каждого слова сердце сходит с ума и рвется наружу? Мальчишка... обычный человеческий мальчишка. Полукровка, которого в другое время убили бы на месте! Но эти глаза... Торк! Нет сил от них отвернуться!

Аззар и Атталис, которых тоже пробрало до самых печенок, намертво сжали зубы, вцепившись в хранителя клещами. Напряженные, смятенные и полностью растерянные, но с каждым мигмом все сильнее поддающиеся пугающему очарованию Гончей.

— Линнувиэль лерре Л'аэртэ! — вдруг властно произнесла Белка, одновременно отстранившись, и в этот момент эльф широко распахнул глаза.

Он непонимающе моргнул, еще не до конца осознав случившееся. Но почти сразу нашел источник голоса, за которым упорно шел из мрака, и уперся в два бездонных голубых колдца. На мгновение замер, смутно узнавая, но уже не в силах устоять перед магией древних рун. Затрепетал, словно попавший в сеть мотылек, жадно вдохнул медовый аромат. И, едва в глубине глаз Гончей загорелись призывные изумрудные огни, вдруг потерял голову — неожиданно рванулся, выворачивая суставы, разрывая связки и грозя расшвырять собратьев по сторонам.

— Держите! — рявкнул Таррэн, наваливаясь на него с удвоенной силой.

Перворожденные прижали бьющегося в судорогах хранителя к земле, но тот все рвался и рвался на волю. Эльфам пришлось приложить массу усилий, чтобы удержать его и не по-

зволить коснуться Гончей, но Линнувиэль не собирался сдаваться — ее зов был сильнее боли, страха и даже смерти, потому что противиться этим чарам Ледяная богиня не могла. Ведь именно для этого они когда-то и создавались.

— Он... слишком силен... — выдавил Корвин, изо всех сил наваливаясь на мечущегося хранителя. — Аззар, Атталис...

— Держу! Маликон, еще!

— Сейчас... только бы магией не шарахнул!

— Не должен — он ослаб.

— Ослаб?!

Но тут Белка опомнилась и бережно провела кончиками пальцев по щеке мечущегося по земле хранителя.

— Тихо, Линни, тихо. Все хорошо.

Она снова наклонилась, позволив ненадолго заглянуть себе в душу, и Линнувиэль послушно затих, но при этом неотрывно смотрел в позеленевшие глаза и понимал, что не забудет их до конца своих дней.

— Белик...

— Вот и славно, — печально улыбнулась Белка, и одурманенный эльф открыто улыбнулся в ответ. — Он мой. Таррэн, давай, он больше не будет рваться.

Таррэн без промедления вспорол кожу на изуродованном плече и чуть сдвинулся, когда из раны широким потоком хлынула темная, почти черная кровь. Линнувиэль болезненно дернулся, но тут же снова успокоился, потому что на лоб легла прохладная рука и милосердно забрала его боль. А вместо боли пришли умиротворение и необъяснимый покой, которых он никогда прежде не знал. От аромата эльфийского меда кружилась голова, от звуков чужого голоса неровно стучало сердце и сами собой отступали печали. Все потеряло сейчас значение — и боль, и сомнения, и прежние страхи. Свежая рана на плече. Покрытый кровавыми разводами нож в руке молодого лорда. Даже ошарашенно взирающие сверху братья, надежно придавливающие его тело к холодной земле и неотрывно следящие за каждым движением.

Кажется, только сейчас — лежа в луже собственной крови, темный эльф неожиданно понял, для чего жил все это время. К чему стремился, о чем мечтал. Никогда прежде он не чувст-

вовал себя таким поразительно цельным. Не верил, что такое бывает. И вдруг со всей ясностью осознал, почему лорд Торриэль так трепетно бережет своего удивительного мальчишку. Этого странного полукровку, которого порой хотелось удавить. Линнувиэль также понял, что больше никогда не поднимет на него руку. Позволит творить все, что душе угодно, даже называть себя гадким именем «Линни», лишь бы когда-нибудь, хотя бы раз в жизни, иметь возможность почувствовать то, что открылось ему сейчас.

— Все хорошо, — неслышно вздохнула Гончая, осторожно отстраняясь и отводя от эльфа горящий взгляд. — Я не дам тебе умереть. Верить?

— Не уходи, — хрипло шепнул эльф, внезапно испугавшись, что это чудо безвозвратно исчезнет.

— Закрой глаза, — велела Белка, и он послушно смежил веки. — Тебя это больше не касается, младший хранитель знаний. Боли нет, а значит, ты снова свободен. Ты жив, Линнувиэль, и сейчас быстро уснешь. Ты ведь сделаешь это, мой ушастый друг?

— Да.

— Не разочаруешь меня? Не помрешь, как собирался?

— Нет. Не стану.

— Хорошо, — смягчившись, шепнула Белка в остроконечное ухо. — А теперь спи, эльф, и помни, что я тоже всего лишь сон. Просто красивый сон, которого ты больше никогда не увидишь.

Линнувиэль слабо улыбнулся и моментально провалился в темноту, а потому не увидел, как поспешно она убрала руку с его лба. Как стремительно отодвинулась, наблюдая за быстро светлеющими потоками крови из очищающейся раны. Не почувствовал, как Таррэн вливает в его тело живительную силу под бдительными взглядами мимикров и слегка ошалевших сородичей, на глазах у которых только что совершили настоящее чудо. Он не видел, как спешно готовятся для него чистые лоскуты. Как умелые руки сноровисто перевязывают рану, смазывают чем-то тягучим и желтым, до боли напоминающим свежесоборанный мед. А в скором времени ее края сами собой начинают спаиваться в одно целое... Линнувиэль ничего этого

уже не видел. Он спал. Снился ему на удивление странный сон, в котором он стоял на знакомой с детства поляне и с благоговением смотрел на свой родовой ясень. А затем медленно опустился на колени перед старым деревом, на котором впервые за много тысячелетий расцвел маленький белый веток.

Он знал, что так не бывает, но во сне вдруг показалось, что это правильно. Что именно так должно быть. А когда Линнувиэль наконец склонил перед ясенем голову, признавая прежние ошибки, то родовой дракон, обвинивший могучий ствол, вдруг приоткрыл тяжелые веки и до самого дна пронзил его душу удивительным взглядом бездонных, удивительных, неправильных, но таких знакомых голубых глаз...

Белка отползла от жадно впитывающего магию эльфа дальше и зябко обхватила себя руками.

— Малыш? — обеспокоенно поднял голову Таррэн.

— Делай, — прошептала Гончая, пряча лицо в коленях. — Пусть будет не напрасно. Пожалуйста, спаси его. Я справлюсь.

— Карраш, присмотри.

Мимикр сместился в сторону, в мгновение ока закрыв хозяйку собой, и застыл, выискивая возможных безумцев, рискнувших потревожить его сокровище. Но таковых вокруг не оказалось — перворожденные благоразумно отвернулись и сделали вид, что вовсе ни при чем. Белка благодарно обвила руками шею Карраша, тихонько вздохнула и снова замерла, страшась витающего вокруг запаха крови и старательно не думая о том, во что может превратиться лежащий неподалеку мужчина, если она хоть на волосок сегодня ошиблась.

— Малыш... — Сильные руки мужа бережно подхватили ее, прижимая к широкой груди. — Линнувиэль выживет. Поспит побольше, пополнит резерв, а когда через пару дней придет в себя, то даже не заметит разницы. Рука будет действовать так же, как раньше. С ним все будет хорошо.

Она только кивнула.

— Тогда я посплю, ладно?

Таррэн обеспокоенно заглянул в ее потускневшие глаза, но не увидел там былой ненависти. Только горечь и тревогу за жизнь одного непутевого эльфа. Да, Гончая сильно изменилась за эти годы. Действительно отпустила прошлое и многое

бы отдала, чтобы сохранить жизнь кровному брату своего любимого мужчины.

— Спасибо, малыш, — шепнул эльф, бережно касаясь губами ее виска.

— Да не за что. Похоже, ты был прав...

— В чем именно?

Белка слабо улыбнулась.

— Что вы не все одинаковые.

Таррэн с нежностью посмотрел на свою удивительную пару. Пусть она не привыкла выставлять это напоказ, пусть не любила произносить вслух прописные истины и редко показывала себя, настоящую. Но то, что она сделала сегодня, говорило о ней лучше всяких слов. Любимая, родная, единственная его половинка... Он мог бы любоваться ее точеным профилем вечно. Дышать ею. Наслаждаться близостью, как величайшей драгоценностью и благом, которого он, возможно, не очень-то заслуживал. Но неожиданно Таррэн подметил в ее глазах усталость и, вместо того чтобы крепко поцеловать, неохотно отстранился.

— Конечно, иди. Я скоро.

Белка, не оборачиваясь, покинула двор в сопровождении верного Карраша. И лишь когда она исчезла за углом дома, Таррэн неслышно вздохнул.

— Так, берите его с двух сторон и готовьтесь поднимать. Корвин, Шранк — вы снизу. Аззар, Маликон, примете сверху. Агталис — на тебе двор. Саргас...

— Я позову Мирену, — кивнул советник владыки, не дожидаясь нового распоряжения.

— Да, ее помощь понадобится. Ирташ, вы с Каррашем стережете здесь и даете знать, если что не так. Местных не пугать, собак с ходу не жрать, посторонних не сразу топтать насмерть, а сперва вежливо интересоваться, какого Торка они тут забыли. Будут излишне шуметь — успокойшь. Не получится — позовешь нас.

Мимикр понятливо рыкнул и с готовностью сдвинулся под нужное окно, всем видом демонстрируя, что с этой стороны в комнату хранителя никто не только не проникнет, но и близко не подойдет. А если надумает упрячиться, то ему же хуже.

— Прекрасно. Тогда на раз-два...

ГЛАВА 2

— Вал? — тихонько позвала Мелисса, склонившись над неподвижным опекуном. — Вал, ты меня слышишь?

Страж едва слышно вздохнул, но не пошевелился. Только ресницы слегка дрогнули в ответ, да чуть громче стукнуло сердце, показывая, что какая-то часть его души все-таки услышала и откликнулась на настойчивый зов. Он по-прежнему был бледен, казался изможденным, ослабленным и каким-то беспомощным, однако глубокая рана на груди затянулась. Теперь там остался белесый рубец, вокруг которого уже исчезала болезненная припухлость. Правая рука тоже постепенно подживала, покрываясь нежной розовой кожей, следы ожога медленно сходили на нет. Лицо перестало быть застывшей маской, его черты смягчились, утратили неестественную остроту и позволяли надеяться, что могучий Страж вскоре оправится от предательского удара. Правда, несмотря на старания хранителей, в себя Вал так и не пришел.

Мелисса с тяжелым вздохом подняла голову.

— Когда он очнется?

— Не могу сказать, — покачал головой Аттарис, проведя изящной ладонью над головой смертного. — Он выживет, это уже не вызывает сомнений: аура чиста и не требует постоянного наблюдения. Раны закроются полностью, разум тоже не пострадал, но момент пробуждения все еще скрыт от меня. Боюсь, магический удар оказался для твоего друга слишком силен, чтобы надеяться на скорое выздоровление, однако опасности для жизни нет.

— Сколько еще ждать?

— Не знаю. День, неделю, месяц... может быть, больше. Будь он одним из нас, я мог бы сказать точнее, но со смертными мы обычно дела не имеем. Магия нашего леса не предназначена для людей, поэтому трудно предположить, как на нем отразятся наши заклятия. Но, как только твой друг очнется, мы сразу почувствуем это.

— Спасибо, — шепнула Мелисса, пряча повлажневшие глаза. — Можно я еще приду?

— Конечно, дитя, — тепло улыбнулся немолодой хранитель. — Ему больше нет нужды пребывать в священной роще,

а в чертогах для тебя нет опасности. Приходи, когда пожелаешь.

— Спасибо. — Ее личико немного посветлело, а на губах мелькнула тень ответной улыбки. После чего Милле поднялась и торопливо вышла из комнаты.

Аттарис проводил ее долгим взглядом и мысленно покачал головой. Поразительная девочка. Удивительно много знает для простой смертной — о лесе, о травах, о магии темных и даже о ранах. Перевязала сегодня руку смертному так ловко и умело, будто каждый день своей недолгой жизни только и делала, что помогала раненым. Знала о целебных корешках, многие из которых вообще нигде, кроме священной рощи, не росли. Умела отличить одну травку от другой, была прекрасно осведомлена о том, что, когда и в какую очередь следует собирать, как заваривать, вымачивать и истирать в сложные порошки, а что нельзя сочетать друг с другом ни в коем случае. Даже спорила, если он вдруг не соглашался, и, как ни странно, ни разу не ошиблась. Да, казалось бы, такого не бывает! Однако Милле не только это знала, но и грамотно использовала свои знания. Причем так, что семисотлетний хранитель просто диву давался. Более того: наблюдая за ней уже который день, все чаще ловил себя на мысли, что хотел бы увидеть ее снова. Радовался ее мимолетным улыбкам, тихонько лелеял в душе установившееся между ними хрупкое доверие. А еще он очень хотел найти предлог, чтобы заглянуть ей прямо в глаза, будто именно в них был скрыт готовый ответ на бесконечное множество вопросов.

— До завтра, Аттарис, — прозвенел снаружи чистый голос девушки, и хранитель против воли улыбнулся.

— До завтра, Милле.

Он немного помедлил, разрываясь между внезапным порывом догнать ее, чтобы самолично проводить до выхода из чертогов, и желанием убедиться еще в одной своей догадке. Секунду поколебался, попеременно косясь то на дверь, то на своего упрямого подопечного, который упорно не желал приходить в себя. Но затем все-таки отказался от первой мысли. Незачем делать двойную работу — подругу молодого лорда есть кому проводить. Большинство офицеров дворцовой стражи и так каждый раз отчаянно спорят, кто следующим засту-

пит в караул: маленькая Милле уже давно и прочно обосновалась в их мыслях, но немного найдется тех, кто согласится открыто в этом признаться. Да и незачем питать пустые надежды. Юный лорд сразу дал понять, что случится с неразумными сородичами, которые посмеют коснуться его избранницы. Как все потомки Изиара, он был горяч, несомненно ревнив и опасен. А заступать дорогу наследнику трона было бы плохим решением. Особенно тогда, когда владыка Тирриниэль стал стремительно терять свою силу.

Аттарис неслышно вздохнул, окончательно стряхивая с себя романтические порывы, и снова повернулся к широкому ложу.

— Что с тобой не так? — пробормотал он, склоняясь над неподвижным телом Стража. — В чем дело? Почему у меня не получается?

Рыжеволосый ланниец угрюмо промолчал. Но за прикрытыми веками, будто услышав голос перворожденного, тревожно дернулись глазные яблоки. Так, словно Вал понимал его сомнения, но упорно не желал поддаваться.

Эльф оказался внимательным: заметил, а потому неуловимо нахмурился и склонился ниже, одновременно проводя ладонью над лицом и грудью смертного. Странно, но сканирующее заклятие не выявило признаков возвращения сознания, не сумело коснуться разума человека даже краем, хотя кое-какие отличия в ауре все же нашло — сегодня у смертного она чуть ярче горела алым в области сердца. Точно так же, как случилось вчера и позавчера. Однако сегодняшним утром, до прихода красивой девушки Тира, этого не было. Затем вдруг появилось, как намек на легкую радость от встречи, помноженную на облегчение от мысли, что с ней все в порядке, а теперь снова истаивало, уступая место прежнему серому цвету подозрительности и недоверия. Что это такое? Как расценивать эти изменения?

Торк! Этот смертный реагировал на вмешательство магии так, будто сам обладал даром! Сперва стремительно шел на поправку, набираясь и напитываясь чужой силой, но потом как отрезало — он снова стал холоден и безучастен. Порой даже складывалось впечатление, что он сопротивляется усилиям хранителя. Смертельная опасность миновала, и теперь он

словно осознанно отстранялся от помощи! Только изредка, рядом с Милле, немного оттаивал и тянулся навстречу, раны затягивались, он исцелялся. Каждый день по капельке, совсем по чуть-чуть, но все же шел за ней к свету. Однако стоило ей уйти, как ланниец снова впадал в небытие, покрываясь почти ощутимой коркой безразличия.

— Кто же ты такой? — непонимающе отодвинулся от ложа хранитель, внимательно всматриваясь в суровое лицо человека. — Маг? Воин? Ведьмак? Аура обычная, амулетов нет, никакой силы от тебя не исходит, а ты все равно сопротивляешься. Не понимаю...

Вал, как и прежде, промолчал.

— Сдвигов нет? — тихо спросил от дверей вкрадчивый голос, и Аттарис, вздрогнув от неожиданности, почтительно склонил голову.

— Иттираэль...

Старший хранитель, зайдя внутрь, небрежно кивнул.

— Так что со смертным? Живой?

— Без изменений.

— Все еще сопротивляется?

— Да. Но в себя не приходил ни разу.

— Плохо. А девчонка?

Аттарис внутренне напрягся, уловив интерес собрата к своей необычной гостье, и заметно встревожился. Не нравилось ему это: Иттираэль редко проявлял интерес к смертным, а о Милле за последнюю неделю спросил уже трижды. И все время таким же делано-отстраненным тоном, который появлялся у старшего хранителя, когда он задумывал нечто сомнительное. Но вставать у него на пути — смертельно опасное занятие. Перечить вслух — еще опаснее, а противостоять в открытую магу его силы мог только полный безумец. Все знали, что старший хранитель лишь немного уступал в силе владыке Тирриниэлю. А нрав имел такой, что даже непосвященным становилось понятно: Изиар мог по праву гордиться таким потомком, пусть старший хранитель и принадлежал к второстепенной ветви рода.

— Приходила сегодня, — осторожно ответил лекарь, чувствуя, что ступает по тонкому льду недомолвок.

Иттираэль внимательно посмотрел на собрата, будто что-то подозревая, и тот напрягся еще больше: тяжелый взгляд почти тысячелетнего мага пронзал насквозь не хуже иного меча. Мог сломать волю, парализовать и морально выпотрошить — быстро, умело и абсолютно безжалостно.

— Ты заметил разницу? Аура изменились? Он хоть как-то отреагировал?

Аттарис склонил голову в жесте уважения, старательно пряча за длинной челкой выражение глаз.

— Взгляни сам.

— Я спрашиваю у тебя, равный! Что с ранами? Ты добрался до его разума?

— На данный момент я не вижу разницы, — бесстрастно ответил Аттарис, с неподдельным удовольствием подметив раздражение в глазах собеседника.

Недоговоренность — это небольшая месть за презрительное «равный». Месть немолодого, но неглупого целителя, которому никогда не подняться выше достигнутого сто лет назад потолка. О нет, никакой лжи — сущая правда, ведь на данный момент отличий в ауре действительно не было. Она стала такой же бледной и размытой, как вчера, позавчера и много-много дней до этого. Никаких всплесков там нет и в помине, хотя порой минут раньше... но старший ведь не спрашивал конкретно об этом. А значит, у Аттариса было полное право не распространяться об этом незначительном отклонении.

Пусть-ка поломает голову, ллер высокородный сноб!

Иттираэль поджал губы и, на пару мгновений склонившись над смертным, знакомым жестом провел рукой по воздуху, считывая чужую ауру и то, что было скрыто под ней. Но убедился в том, что за последние дни она ничуть не изменилась. После чего выпрямился, ожег смиренно сложившего руки собрата недовольным взглядом и вышел.

Аттарис незаметно перевел дух. Опасно играть в эти игры, не имея на руках достаточного количества козырей: Иттираэль сомнет и не заметит, если почует малейшее неповиновение. Для него имеет значение лишь одно — безоговорочное подчинение древнему роду, к которому вели его собственные корни, и родовому дракону, осеняющему этот мир своими черными крыльями. Все остальное хранителя совершенно не вол-

новало, даже жизни сородичей. Потому-то и приклеилось к нему меткое прозвище — за глаза его называли Нетопырем. Как и все остальные, Иттираэль просто жаждал узнать, откуда взялся юный Тир, сумевший всего в долю мгновения смутить умы эльфийских старейшин и самого владыки Тирриниэля.

Аттарис покосился на ровно дышащего человека и неожиданно поразился тому, что высокомерный сородич не сумел до него добраться, — глубокий сон надежно ограждал разум рыжего от посягательств. Подобно броне, оберегал уязвимое для магии эльфов сознание. А значит, его упорство к лучшему: чем глубже незнакомый воин погружен в беспмятство, тем дольше молодой наследник может быть спокоен за друга. А Милле может быть уверена: ланницу не грозит кончина до тех пор, пока Иттираэль не найдет способ вытянуть из него необходимые сведения.

— Не советую тебе воскресать, — неожиданно посоветовал Аттарис, пристально всматриваясь в спокойное мерцание человеческой ауры. — По крайней мере до тех пор, пока Тир не войдет в полную силу. И будь уверен: Иттираэль не даст тебе ни единого шанса, кем бы ты ни был.

Хранитель в последний раз взглянул на оставшееся безучастным лицо Стража и с досадой поджал губы. Он бы не хотел огорчать будущего повелителя и его избранницу известием о внезапной гибели их смертного друга. А то, что Иттираэль не отступится, пока не выяснит правду, было очевидным: старший хранитель не любил недоговоренностей. Но спрятать человека в Темном лесу невозможно, оградить от внимания мага — тем более. Остается только поддерживать в нем подобие жизни и надеяться, что он сумеет уцелеть в этом переплетении чужих планов, намерений и интриг.

Аттарис снова поймал себя на мысли, что делает это только ради Милле, и отвернулся, не желая признавать, что в кои-то веки не устоял против женских чар. После чего запахнулся в плащ и вышел, мгновенно затерявшись в лесу. А потому не увидел, как невзрачная аура Стража дрогнула, уплотнилась и подтянула края, будто почуяла угрозу, затем ненадолго расширилась, словно осторожно выясняла обстановку, и, наконец, холодно мигнула.

— Почему вы называете своих хранителей равными? — спросил Тир, прислонившись к замшелому валуну и смахнув со лба выступивший пот.

Владыка Л'аэртэ развеял скопившийся в воздухе запах гари и присел рядом.

— Потому что они не относятся к прямым потомкам Изиара. Это второстепенная ветвь, представители которой не утратили силы, но всегда будут слабее, чем прямые наследники. Их немного: всего пять преданных моему роду семей, из которых и делается выбор в пользу хранителей. Нынешних равных ты уже видел — Аттарис, Брегарис, Барронис, Терринис и Лавванис. Окончание «ис», как ты понимаешь, присутствует в их именах не случайно и указывает на близость к правящему дому. «Огнем жизни» они, разумеется, владеют в меньшей мере, чем мы с тобой, но все же достаточно, чтобы иметь неплохой в этом мире вес. Остальные — так, мелкие фокусники, не представляющие для Темного леса особой ценности.

— Почему все так сложно?

— Трудно сказать, — отряхнул ладони правитель. — Наверное потому, что сила Изиара способна в полной мере проявиться максимум в двух магах одного поколения, иначе она просто рассеивается. И это касается всех уцелевших ветвей нашего рода. Без исключения.

— Хочешь сказать, что только по этой причине среди Л'аэртэ принято иметь лишь двух наследников мужского пола? — заинтересовался Тир.

— Не только по этой, но в том числе.

— А Иттираэль? Почему в нем столько силы?

— Гм, — задумался Тирриниэль. — Должность старшего хранителя была утверждена еще во времена Изиара, и ее всегда занимали наиболее опытные, сильные и сведущие в нашем искусстве маги. Не удивляйся, что он так силен: в свое время Изиар оставил после себя несколько сыновей, от которых и пошли потом разные ветви рода. По этой же причине окончание имени Иттираэля совпадает с моим, а его «Огонь жизни» лишь немногим уступает твоему.

— Сравнил! — неприязненно буркнул Тир, сверкнув неумовимо покрасневшими глазами.

— Вижу, Иттираэль тебе не нравится, — усмехнулся владыка, и Тир насупился еще больше. — Зря. Именно его усилиями мне удалось отправить зов и помочь вам найти сюда дорогу. С его же помощью поддерживается защита вокруг всего Темного леса и моих чертогов, а также порядок в священной роще.

— Тогда он опаснее, чем я думал. — В голосе Тира проскользнула задумчивость. — А почему хранителей только семеро? Почему именно так: пятеро равных, младший и старший? Я думал, ваше священное число — девять, а не семь.

— Верно. Но ты забыл посчитать меня и моего сына.

— У тебя два сына, — хмуро поправил юноша, и владыка немедленно помрачнел.

— Было. Но продолжает род только один, как в любой ветви. В том числе и в той, к которой принадлежит Иттираэль. По крайней мере, так было все девять эпох. Кстати, его младший брат наверняка понравился бы тебе больше. Даже жаль, что всего две луны назад я отправил его в Серые пределы.

— Куда? — неподдельно изумился юный маг, невольно отвлекшись от раздумий. — Ты с ума сошел! Темного мага — в Проклятый лес! Его же прибьют еще на подходе!

— Такова цена, потому что я должен увидеть сына.

— Так он сюда и вернулся! Думаешь, он простит тебе прошлое?!

— Нет, — вздохнул Тирриниэль. — Но если он не согласится, то придется положиться на вас с Милле.

Тир моментально подобрался.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, о чем пойдет речь, — мягко сказал владыка.

— Нет, — упрямо насупился юный маг. — Как только появится возможность, мы уйдем. Ты не смеешь настаивать! Ты поклялся!

— Я не отказываюсь от своих слов, — осторожно напомнил Тирриниэль, надеясь, что успел достаточно натаскать вспыхивающего отпрыска и тот не вспыхнет посреди рощи живым факелом. — Если помнишь, я пообещал учить тебя так, как учил бы собственного сына. Дал слово, что помогу твоему другу и не стану препятствовать, если вы с Милле решите уйти. Но это вовсе не значит, что меня это не огорчает.

Тир на мгновение замер, неожиданно поняв, о чем сказал владыка.

Горриэль должен сюда прийти? И еще зов этот, который младший сын владыки заведомо не смог бы услышать, ведь пределы глушат магию! Для чего тогда вообще был нужен посланец в Серые пределы? Только лишь для того, чтобы привести сюда последнего потомка этой проклятой ветви древнего рода? Боги! Как же он раньше не подумал! Неужели речь — о девяти кругах жизни? В таком случае эта встреча станет для них с Милле последним днем.

— Что ты задумал? — сухо и холодно спросил Тир, сверля собеседника зелеными глазами, в которых все быстрее разгоралось бешеное пламя.

Владыка Л'эртэ, пребывавший в глубокой задумчивости и оттого не почувствовавший опасных перемен, только вздохнул.

— Разве я обманул тебя хоть в чем-то? — покачал головой Тирриниэль. — Разве дал повод усомниться? Сделал что-то плохое? Причинил вам вред? Обидел?

— Для этого повод не нужен. Достаточно одного желания.

— Тир...

— Что ты задумал?! — раздельно повторил юный маг, хищно сузив глаза и буквально вломившись в чужой разум, стремясь во что бы то ни стало добраться до правды. — Зачем ты собираешь сюда *всех* потомков Изияра? Для чего это нужно? Что ты ищешь в нашей крови? Зачем тебе понадобился сын, два с половиной века назад отлученный от рода? И для чего тебе понадобились мы? Оба?!

Но в этот раз повелитель был настороже — вовремя усилил защиту и искусно уклонился от удара. После чего умело выдворил нахрапистого лазутчика из своего разума и несколько самодовольно усмехнулся.

— Не стоит тратить силы, мальчик. Я не совершаю ошибок дважды.

— Боюсь, ты все-таки ошибся. Причем не дважды, а трижды, — процедил Тир, неожиданно став равнодушным, как при первой встрече. После чего стремительным движением поднялся на ноги и быстро направился прочь.

— Тир! — запоздало спохватился владыка, но юный маг даже не обернулся. — Тир, стой!

Нет ответа. Ни гневного слова, ни громкого обвинения, ни-че-го. Только глухое молчание и холод. Снова этот холод подозрительности, от которого уже мурашки по коже бегут. А вместе с ним — и новое потрясение: вместо лучистой ауры перворожденного перед внутренним взором владыки вдруг возникла непонятная хмарь. Просто возникла из ниоткуда, заключила юного эльфа в непроницаемую для чужого взора сферу и укрыла от посторонних. Причем так быстро и привычно, что царственный эльф не сразу сообразил: именно благодаря ей молодой маг сумел столь долго оставаться неузнанным.

— Тир! Да что на тебя нашло?! Вернись!

— Спасибо, не стоит, — донеслось холодное в ответ. — Кажется, я сыт учебой по горло. Благодарю за науку, но я не люблю играть вслепую.

— Я не обязан отчитываться перед тобой о своих планах! — возмущенно выдохнул Тирриниэль ему в спину.

— Конечно. Ты вообще никому и ничего не обязан. Зачем кому-то доверять и рисковать своим положением? Пытаться что-то сохранить, если можно просто использовать? Удобно, не спорю. Умно, ловко и, как всегда, изящно. Ты же у нас не любишь трудностей? Предпочитаешь сделать все быстро и надежно, не считаясь ни с кем и ни с чем? Да и зачем узнавать мнение кролика перед тем, как бросить его в котел? Жалкая бессловесная тварь... Но я не желаю в этом участвовать. И быть твоим кроликом тоже не хочу.

— Проклятье! — процедил Тирриниэль. — Не считай себя самым умным, мальчик!

— Да что ты? Куда мне с тобой тягаться! — язвительно отозвался Тир, исчезая среди деревьев. — Не приучен, знаешь ли, плести интриги и предавать. Не смог научиться, представь себе! А еще не смог бы целенаправленно собирать вокруг себя кровных родственников, чтобы потом спокойно воспользоваться их силой! Достойно потомка Изиара, не правда ли?!

— Что? — искренне оторопел владыка Л'аэртэ, а потом вспомнил про девять кругов жизни, ради которых его древний

прародитель когда-то пошел на сущее безумие, и вдруг спал с лица.

«Неужели Тир считает, что я способен на такое?! — возмутился про себя владыка. — Могу по капле выцедить жизнь из своих собственных потомков, чтобы прожить на несколько десятилетий больше, чем отпущено? Что ради этого умолял единственного сына вернуться?! Неужели он полагает, что я опустил до Изараэля и решил забрать чужую жизнь в обмен на свою?! Посчитал, что я уподобился проклятому?!»

Побледнев как полотно, эльф покачнулся и в тот же миг почувствовал, как что-то болезненно сжалось в груди. Да так сильно, что в глазах потемнело, а из горла сам собой вырвался странный звук, больше похожий на стон.

Тирриниэль судорожно сглотнул, не в силах справиться с новыми для себя ощущениями. Оглушенный, ошеломленный и сломленный, он замер посреди белоснежной рощи, тщетно пытаясь избавиться от нарастающего гула в ушах. Нет, не обида это была и не злость. Не горечь от несправедного обвинения. Не предательство, не боль и даже не ярость. Нет. У него будто душу вырвали. А вместо нее внутри осталась лишь пугающая, стремительно разрастающаяся пустота, в которой глумилась и плескалась, не зная границ, тоска.

Тирриниэль потерянно опустился на колени.

«Что ж, мальчик... может, ты и прав. Может, мне действительно пора уходить. Я не смог убедить тебя в самом простом. Не сумел вызвать даже толики доверия, и ты ненавидишь меня, как прежде. Ты никогда не войдешь в мой род. Не станешь под сенью ясеня и не вдохнешь в него новую жизнь. Мой народ погибнет в неверии и сомнениях, проклиная меня за ошибки. Ненависть, как ты сейчас. Наверное, это и есть тот знак, после которого нет больше смысла верить. Но тогда ты действительно прав: мне стало незачем жить...»

Вокруг повелителя сомкнулась темнота, отсекая посторонние звуки, мысли, печали. Куда-то пропали прежние чувства, а вместо них пришло безразличие и непонятная, но спасительная апатия. И только тяжкий ком в груди стал гораздо больше, да сердце дало неподвиженный сбой.

«Пора...» — шепнуло подсознание, и свет вокруг венценосного эльфа почти померк.

Но вот рядом раздался странный звук, нарушивший гнетущую тишину. Владыка Л'аэртэ поднял остановившийся взгляд и посмотрел в нахмуренное, смутно знакомое лицо, в котором только спустя несколько секунд признал юного эльфа, зачем-то решившего вернуться. Для чего? Неужто померещилось? Но выцветшие от горя глаза не подвели: Тир действительно не ушел. В последний момент все-таки вернулся, а теперь со странным выражением изучал постаревшего владыку. Внимательно оценивал. Сравнивал. Пытался понять и почувствовать, что творится у того на душе. Отчего так изменилось его лицо и почему мучительно искривился красиво очерченный рот.

Тирриниэль даже не сопротивлялся, когда чужая мысль осторожно коснулась его смятенного разума. Просто равнодушно следил, как молодой маг неуверенно ворошит его воспоминания, как читает покорно предоставленные мысли и с досадой кусает губу, понимая свою оплошность. Он только об одном постарался умолчать, одно-единственное постарался скрыть от пытливого взгляда и сделать так, чтобы Тир никогда не узнал, насколько сильно он укоротил жизнь одного старого эльфа, когда рискнул провести свое первое полноценное единение.

Но, кажется, и с этим справился не очень хорошо.

— Извини, — наконец глухо уронил Тир, отводя глаза. — Я не знал, что все так плохо.

Владыка Л'аэртэ с холодным безразличием посмотрел на свою последнюю надежду. Вот теперь ему действительно нечего стало скрывать. Он больше ни на что не претендовал. Не надеялся и уже не требовал. Просто ждал со смирением тысячелетнего старца. И реши Тир сейчас покинуть Темный лес, не стал бы его останавливать. Не ответил бы ни на одно обвинение и принял бы его с такой же несвойственной покорностью. Он бы просто умер, не сходя с этого места, и не пожелал бы иного.

Однако Тир не стал ничего говорить. Недолго поколебавшись, он неожиданно обнял родича за плечи, ненавязчиво подтолкнув в сторону печально шумящих ясеней. А затем осторожно усадил, принес откуда-то свежую воду, проследил, как бессильно упали некогда сильные руки, и, наконец, тяжело вздохнул.

— Торкова лысина! Кажется, я перестарался... Эй, эй! Не спи, кому сказал! Если ты помрешь, думаешь, мне станет легче? Открой глаза, остроухий! — Он потряс усталого эльфа за плечи, но тот только вяло мотнул головой и едва не упал, все больше впадая в непонятное оцепенение. — Ну нет, так дело не пойдет! Я тебе что, нанимался сидеть на этом дурацком троне?! А вот Торка лысого! Не выйдет!

Память Тирриниэля снова услужливо раскрылась перед обеспокоенным Тиром, тихонько подсказывая, насколько опасны для готовящегося к Уходу эмоциональные потрясения. Затем скрупулезно подсчитала, сколько этих потрясений пришлось пережить в последнее время сильно сдавшему владыке. Вежливо сообщила, что в последние дни перед Уходом потомки Изииара нередко утрачивают присущую им жестокость. Становятся податливее, будто природа давала им крохотный шанс переосмыслить прошедшие тысячелетия. Затем деликатно кашлянула, умолчав о последнем инциденте, приведшем Тирриниэля на грань, и, наконец, смущенно сообщила, что бессмертный повелитель, оставшийся накануне без магических резервов, способен умереть прямо тут, в роще, на руках своего чересчур вспыльчивого потомка, если тот немедленно что-нибудь не предпримет. Более того, даже если получится вернуть его к жизни, то оставшееся время вряд ли превысит две-три недели полноценной жизни — Уход нельзя отменить. И даже старший хранитель, несколько лет назад создавший крохотный, воткнутый в левое ухо владыки амулет-накопитель, не способен этому помешать.

Тир раздраженно хлопнул ладонью по колену и до боли прикусил губу, лихорадочно ища выход. Но быстро почувствовал, что у владыки, истощенного морально, магически и физически, просто нет желания сопротивляться, и именно в этом увидел свой единственный шанс.

— Не выйдет! — зло прошептал он, неожиданно решившись. — Не получится сбежать на тот свет раньше времени! Хоть на три недели, но ты у меня оживешь, ясно? Я тебя на это толкнул, я же вытолкну! Вал меня, правда, убьет, когда узнает, но это будет потом. А сейчас тебе придется еще немного пострадать...

Тир рывком разорвал шелковую тунику на груди обмякшего эльфа. Так же безжалостно испортил свою рубашу. Тряхнул буйной головой, отгоняя сомнения, и властно приложил стремительно нагревающуюся ладонь к груди владыки, туда, где едва слышно билось сердце. Тирриниэль не сопротивлялся.

Юный маг сосредоточенно прикрыл глаза, взывая к своей непокорной силе. Почти сразу почувствовал знакомый жар в груди, свирепый огненный вихрь, пронесшийся по венам. Увидел перед внутренним взором пламя «Огня жизни» и направил его вперед — в умирающее, истощенное до предела тело древнего эльфа, который не так давно сделал для него то же самое. Просто отдал, желая всем сердцем жизни своему единственному внуку. И Тир не мог этого забыть.

«Держись, дед. Сейчас тут будет жарко!»

От вспыхнувшего пламени по стволам ближайших ясеней пробежала болезненная судорога. Тонкие ветки жалобно зашелестели и принялись неистово раскачиваться от невидимого ветра. Белоснежные листья мгновенно почернели, ссохлись и скрутились в дымящиеся трубочки. Трава в радиусе нескольких сотен шагов буквально испарилась. Земля прогрелась до состояния лавы. Камни сперва покраснели от жара, а потом начали медленно плавиться, словно пытаясь слиться с почвой и подземными водами. Стена огня, вырвавшись из груди Тиры, всей своей мощью ударила в белоснежные стволы. Пронеслась по ним ураганом, срывая серебристый покров, но не тронула больше ничего. Пощадила. В последний момент обошла стороной, чтобы полыхнуть в небе алой дугой, а затем вернуться успокоенной, покоренной и почти послушной. После чего осторожно втянуться в тело умирающего эльфа и свернуться там теплым клубком.

Священная роща вздохнула и, не обращая внимания на бушующий вокруг нее огонь, ласково взъерошила растрепанную гриву своего непокорного сына прохладным ветерком.

— Здравствуй, мой мальчик... — донеслось до него.

Тир непонимающе поднял голову, но ощущение ласковых материнских объятий не исчезло. Напротив, стало сильнее, будто мама стояла совсем рядом и с нескрываемой гордостью смотрела на возмужавшего сына. Непонятно, как это про-

изошло, но она все же была здесь и, оглядывая воцарившийся хаос, загадочно улыбалась.

— Мама? — неуверенно позвал Тир, не понимая, как такое стало возможным. — Мама?!

— Ты молодец, малыш... Ты все правильно сделал...

Он слабо улыбнулся, и в этот момент все закончилось: бешено ревящее пламя так же стремительно улеглось и погасло, а мутная пелена перед глазами Тира исчезла. Пораженный до глубины души эльф увидел абсолютно невредимую рощу, в которой последние сгоревшие листочки спешно заменялись новыми, сквозь пепел стремительно пробивался свежий травяной ковер, а на границе безупречно круглой поляны возвышались не тронутые огнем ясени. А потом заметил ошалело оглядывающегося по сторонам повелителя, у которого седая шевелюра прямо на глазах темнела, а на щеках выступил румянец.

— Что ты сделал?! — пораженно прошептал Тирриниэль, неверяще ощупывая свое посвежевшее лицо и засиявший яркими искрами изумруд на обруче. — Что это вообще сейчас было?!

Юный маг пожал плечами и уселся на землю, ласково поглаживая руками льнущую к ладоням молодую травку.

— Я же говорил, что в нашем огне заложена не только ненависть. Я не хотел тебя убивать, и магия никого не тронула. Пара недель спокойной жизни у тебя есть, я думаю. Но потом — извини. Я все-таки не бог. Просто вернул то, что ты мне отдал. Считаю, что это была обычная благодарность.

— Тир!

— А? — вяло отозвался юноша, неожиданно почувствовав навалившуюся усталость.

Владыка эльфов порывисто обнял юного мага, только что сотворившего настоящее чудо. Без подсказок и помощи Тир как-то сумел обратить свою силу на созидание, а не на разрушение и тем самым перевернул новую страницу в жизни своего рода, дома и всего Темного леса. Ведь никто, нигде и никогда прежде не делал ничего подобного. Даже Тирриниэль не догадывался, что огонь не только может сжигать, но и способен стать чем-то гораздо большим. Что он умеет дарить, а не отнимать. Исцелять, а не ранить. Что он живой, почти разумный.

Два до смерти уставших эльфа мирно сидели друг напротив друга, одновременно гордились тем, что произошло, и отчего-то смущались. Один сконфуженно отводил глаза, в которых еще не угасли последние отголоски магии. А второй с восторгом изучал талантливую ученика, сумевшего снова поразить его в самое сердце. Как это стало возможно?! Как вышло, что разрушительный огонь сумел вернуть ему жизнь и утраченные силы, о которых Тирриниэль начал забывать? Торк! Он уже давно не чувствовал себя настолько хорошо! А Тир... боги, неужели он именно об этом пытался рассказать, не ведая, как донести глупому сородичу эту простую истину?! А старый дурак так и не понял!

Тирриниэль с несвойственной ему нежностью вспомнил вырвавшееся у Тира рассерженное «дед» и ласково погладил его растрепанную макушку. Мальчик... чудесный, просто невероятный мальчик, оказавшийся в сотни раз мудрее его самого... долгожданный наследник, ради которого владыка действительно был готов на все. Его спасение, его надежда. Единственный внук, который наконец-то решил ему немного довериться.

— Тир, как ты себя чувствуешь?

— Ага, чувствую, — пробормотал юный гений, вдруг опасно покачнувшись и закатив глаза. — Но как-то паршиво. Ты только не говори Милле, ладно?

Тирриниэль вовремя успел подхватить безвольно осевшее тело и, испытав кратковременный приступ паники, с запоздалым облегчением вздохнул: ничего страшного. Просто обморок.

— Темная бездна! — простонал он, когда проникся тем, что сейчас случилось. — Какой дар! Какой невероятный дар! Боги, боги, боги! Ну почему этот мальчик не мой сын? Я больше не совершил бы прежних ошибок!

ГЛАВА 3

Линнувиэль пришел в себя на рассвете. Некоторое время он просто лежал с закрытыми глазами, силясь сообразить, каким образом оказался в постели, если сам ее не разобрал и во-

обще рухнул в беспамятстве где-то у противоположной стены. Как раз после того как в окно ворвался кто-то злой, шипящий не хуже разъяренного демона, да еще врезал по лбу так, что остальные события слились в череду каких-то совсем уж невероятных вещей.

Он помнил потолок, куда с пронзительным жужжанием взвилась с подоконника потревоженная муха... медленно расползающуюся лужу на дощатом полу... порванную рубаху, под которой чьи-то удивительно сильные пальцы ловко ощупывали рану.

Затем — вспышка боли. Чьи-то голоса — сперва недовольные, а потом встревоженные. Бесконечное звездное небо над головой. Холод... безумный, парализующий волю и разум холод, не позволяющий двинуться с места. Последние слова песни смерти, эхом отдающиеся в вышине. А потом — совсем другие слова: мерные, тягучие, как смола, которые опутывают готовую отлететь душу и упорно тянут обратно. Туда, где тепло. Где ждет его возвращения кто-то, кому он нужен. И куда настойчиво зовет манящий, терпкий запах эльфийского меда, ради которого он все же захотел вернуться.

Линнувиэль вдруг широко распахнул глаза и вскочил с широкого ложа. В голове тут же помутилось, в ушах зазвенело, а в плече вспыхнула боль, заставившая эльфа охнуть и повалиться обратно.

— Тихо, спокойнее. Тебе рано вставать, — с укором произнес мелодичный голос, и на мгновение покрывшийся испариной лоб хранителя легла прохладная ладошка.

Линнувиэль жадно вдохнул запах тонкого запястья, оказавшегося у него прямо перед лицом, и непонимающе замер: оно пахло солнцем, ветром и зеленой листвой. Он снова приподнялся, шаря по сторонам настороженным взором, вдохнул снова и почти с разочарованием понял, что это был совсем не тот запах, который вернул его к жизни.

— Доброе утро, — поприветствовала хранителя присевшая на краешек кровати Мирена. — Лежи, тебе действительно рано подниматься. Рана еще слишком свежа.

Эльфийка осторожно уложила сородича обратно, прикрыла до середины груди покрывалом и заботливо подоткнула, чтобы не спало. Загадочно улыбающаяся, поразительно

красивая в своем алом платье, но вовсе не ее он хотел сейчас увидеть.

— Где я? — хрипло спросил Линнувиэль, силясь рассмотреть, есть ли в комнате кто-то еще. Ему очень-очень нужно было это выяснить. Но не вышло: Мирена наклонилась слишком близко, снова обдав его тонким, приятным, но совершенно чужим ароматом.

— В своей комнате, конечно. Повязка свежая, не беспокойся. Рана почти закрылась, но тревожить ее пока нельзя, хотя Таррэн нас заверил, что рука будет действовать, как прежде.

— Сколько я?..

Мирена повернулась и внимательно посмотрела на взбужденного эльфа.

— Сегодня третий день. Ты что-нибудь помнишь из того, что случилось?

— Все, — устало прикрыл веки Линнувиэль, тщетно пытаясь избавиться от видения совсем других глаз, пронзающих его душу до самого дна. — Я помню абсолютно все.

— Почему ты не сказал, что ранен? — вдруг заледенел ее голос. — Почему не воспользовался магией? Зачем тянул столько времени? Ты мог погибнуть!

— Мне нельзя пользоваться магией, миледи.

— Почему? — нахмурилась Мирена.

— Мы не должны привлекать к себе внимания, — равнодушно отвернулся он, уставившись на занимающийся за окном рассвет.

— С ума сошел?! Да кто тебя видит? Кто узнает? Люди? Гномы? Думаешь, им есть дело до кого-то из нас?

— Нет, — устало отозвался Линнувиэль, снова прикрывая глаза. Присутствие леди стало его сильно тяготить. — Просто я слишком тесно связан с владыкой Тирриниэлем и тем зовом, который он отправил своему сыну. Если рядом со мной будет твориться магия, зов станет слышным не только для нас, но и для светлых. А владыка не хотел, чтобы о его состоянии прознали раньше времени. Темный трон не должен опустеть. И преемник должен появиться в чертогах до того, как светлые о нем узнают, поэтому мне было запрещено пользоваться магией в пути за исключением тех случаев, когда этого требовала бы ваша безопасность и безопасность лорда Торриэля.

— Таррэн! Его зовут Таррэн! — прошипела Мирена, резко поднимаясь с постели раненого. — Почему ты не сказал хотя бы ему?

Хранитель неопределенно пожал плечами.

— Я маг, миледи, и знаю, когда яд можно обезвредить, а когда не стоит даже пытаться. Та гиена не была обычной. А ее яд был заведомо смертелен, поэтому и не стоило даже пытаться.

— Нет, стоило! Таррэн спас тебе жизнь...

— Это не его заслуга, — тихо отозвался эльф, остро жалея, что не в силах прогнать странную тоску, грызущую нутро не хуже иной гиены.

Он не мог забыть песнь жизни, но не мог и вернуться на двое суток назад, когда эти слова звучали во тьме только для него одного. Когда для него пели, как для самого родного и близкого существа, тем изумительным голосом, от звуков которого хотелось смеяться и плакать одновременно, жить и умирать, кричать и рваться навстречу.

— А чья же тогда? — недовольно поджала губы Мирена.

— Белика... — невольно сорвалось с губ.

— Дурак! — вспыхнула эльфийка и, стремительно развернувшись, выбежала прочь, не забыв при этом хлопнуть дверью.

Линнувиэль тоскливо оглядел пустую комнату и упрямо приподнялся на локтях. В плече немедленно стрельнуло, но, впрочем, не настолько, чтобы он отказался от желания выбраться из постели. Эльф скрипнул зубами и медленно, с усилием, но все же принял вертикальное положение. Некоторое время подождал, пока не пройдет головокружение и не перестанут мелькать разноцветные мушки перед глазами, а затем подтянул кем-то заботливо выстиранные и выглаженные штаны, кое-как натянул их на себя и, покачиваясь от слабости, неуверенно встал.

На какое-то мгновение комната поплыла, звон в ушах стал просто оглушающим, но Линнувиэль не зря считал себя выносливым и упорным — спустя пару минут он упрямо сжал зубы и сделал первый шаг к заветным дверям. Не забыв, правда, ухватиться за стенку. И так, шаркая, как больной старик, но с каждым шагом обретая былую уверенность, понемногу добрался до выхода.

— Ты что тут делаешь?! — несказанно изумился Шранк, когда у него перед носом в коридор вывалился полуодетый, смертельно бледный эльф.

— Линнувиэль?! — донеслось обеспокоенное снизу, и по лестнице торопливо загрохотали сапоги. Слишком громко для его нещадно звенящей головы, о чем последняя и не преминула сообщить. — Ты зачем встал?! Тебе еще рано! Немедленно вернись!

— Линнувиэль! — ахнула из-за спины подбежавшего Корвина Мирена. — Да ты с ума сошел! Зачем поднялся?!

Хранитель измученно прижался лбом к косяку. Торк его знает, как и, главное, зачем он вообще решил выбраться из постели! Точнее, причину-то он знал, но даже себе не хотел признаваться, что делает глупость лишь с одной целью — увидеть существо, о ком больше не мог не думать, а заодно убедиться, что он не сошел с ума. Что все это действительно было. Что он воочию видел знакомые зеленые отсветы в глазах, слышал самый удивительный в мире голос, к которому хотелось тянуться. Чувствовал недолгое прикосновение и знал в тот момент, что сильно ошибался, считая наглуую Гончую обычным пацаном-полукровкой, способным лишь на гадости и подставы. Нет, что-то в нем было еще, и вот это «что-то» как раз не давало покоя.

— В чем дело? — раздалось возле соседней двери властное, и Линнувиэль, узнав повелителя, тряхнул головой. Там, где Таррэн, наверняка найдется и Белик. А значит, у эльфа появился шанс прямо сейчас успокоить расшатанные нервы. Он торопливо зашарил глазами по сторонам, но, сколько ни пытался, так и не смог найти знакомую фигурку, и это неожиданно встревожило.

Молодой лорд хмуро оглядел собрата.

— Линнувиэль? Ты что тут делаешь? Почему встал? Тебе еще сутки пластом лежать, пока силы не восстановятся хотя бы наполовину.

— Где... Белик? — вместо ответа прошептал Линнувиэль, почти не в силах бороться с нарастающим звоном в пустой голове. — С ним все хорошо? Мой лорд...

Шранк и Таррэн переглянулись, прекрасно зная причину, по которой едва дышащий эльф вдруг выполз из постели и те-

перь настойчиво озирается, высматривая, вынюхивая и всеми силами выискивая нагловатого сорванца. Кажется, Белка задела его сильнее, чем планировала, иначе не поднялся бы этот лебедь ни свет ни заря и не поперся на ее поиски в столь невменяемом состоянии. Помер бы на полпути, сдулся. А под ее магией еще держался. С трудом, едва соображая, что делает, но все еще стоял на ногах и даже имел наглость перебивать своего лорда. Однако Таррэн слишком хорошо помнил, как оно бывает, поэтому вместо того, чтобы разозлиться, только сочувственно покачал головой.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Где... Белик?

— С ним все в порядке, — пробормотала Мирена, подхватывая под руку подрагивающего от слабости сородича. — Он еще отдыхает.

— Третьи сутки кряду?

— Малыш иногда много спит, — напряженно добавил Шранк, чувствуя, что просто так помирающий эльф от них не отстанет. Сам издохнет, но выяснит, что и как. Ногтями вцепится в доски, зубами прогрызет дорогу, а все равно добьется своего, потому что магия Белки была сильнее. — Еле стоишь уже, ушастый. Еще минута, и нам придется волочь тебя на себе. Так что будь добр — соверши еще один подвиг и вернись в комнату, а то второй раз помощь Белика может и не понадобиться. Ты же не хочешь заставить его надрывать и тащить твою увесистую тушу через всю таверну?

Он угадал: столь дорогое сейчас имя произвело нужный эффект. Не обратив внимания на «ушастого», Линнувиэль вяло мотнул головой и послушно качнулся в сторону комнаты. Но тут его силы все-таки закончились, и эльф благополучно рухнул. Заботливые руки вовремя подхватили, подняли и аккуратно уложили на измятую постель, где измученный эльф потерял-таки сознание.

Таррэн посмотрел, как суетится над ним Мирена, как озабоченно хмурят брови Корвин с Маликоном, как задумчиво глядит в сторону хранителя Сартас, и тяжело вздохнул:

— Только этого нам не хватало.

Шранк мрачно кивнул и уточнил:

— Тогда, может, прибьем его сразу, чтоб не мучился?